

4. Зоны, свободные от ядерного оружия. (Вопросы и ответы). — Алматы, 1997. — С. 7.
5. Арыстанбекова А.Х. ООН и проблема разоружения // Казахстан-Спектр. — 1999. — № 4 (10). — С. 59.
6. Орталық Азия Республикалары басшыларының Алматы декларациясы. 1997 жыл // Егемен Қазақстан. — 1997. — 28 ақп.
7. Бао И. Китай: Стратегические интересы в Центральной Азии и сотрудничество со странами региона // Центральная Азия и Кавказ. — 2001. — № 5(17). — С. 121.
8. Самат М. ЕуроОдақ үштігі — Орталық Азия: ықпалдастық жолындағы қарымды қадамдар // Егемен Қазақстан. — 2007. — 6 сәуір.
9. Еуропа Одағы — Орталық Азия үштігі // <http://portal.mfa.kz/portal/page/portal/mfa/kz/content/News/nws2008/2008-04-10>

УДК 67.3 я73
Л – 38

Д.М.Легкий

Костанайский государственный университет им. А.Байтурсынова

ПРИСЯЖНАЯ АДВОКАТУРА НА ЗАЩИТЕ РЕВОЛЮЦИОННОГО ДВИЖЕНИЯ В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

Мақалада 1864 жылғы сот реформасынан кейін орын алған атақты саяси мәселелерге қатысты «Каракозов ісі», «Саяси жалған ақша шығарушылар ісі», «Нечаев ісі» сияқты атақты сот істеріне салыстырмалы сараптама жасалды.

The article covers the comparative analysis of the most known secretly handled court political processes «Karakozv's case» and «The case of the counterfeiters»; as well as «Nechaev's case» handled by the jury. This analysis allows observing the Russian Empire Court System's revolution.

С 1991 г. в странах СНГ происходит возвращение правового института суда присяжных, принимаются новые законы, регулирующие деятельность адвокатуры, что вызывает не только оживленные дискуссии среди профессиональных юристов, но и интерес у широкого круга общественности. Интересно, что подобная ситуация уже была в Российской Империи после 1861 г., с отменой крепостного права и проведением политических, «буржуазных реформ». По Судебным уставам 1864 г. Россия уже имела неперенные атрибуты демократического общества, как институт суда присяжных, так и присяжных поверенных — адвокатов, существовавшие вплоть до Октябрьской революции 1917 г. При обсуждении вопроса о целесообразности (имея в виду опасность) введения правового института суда присяжных, как в России, так и в Казахстане, оппоненты постоянно ссылаются на один из самых известных судебных процессов после введения в Российской Империи Судебной реформы 1864 г. по «делу Веры Засулич», когда суд присяжных (читай «суд толпы») вынес оправдательный приговор террористке, покушавшейся на жизнь царя-батюшки. Но ведь с таким же успехом можно в качестве доказательства обратного привести примеры других, не менее скандальных судебных разбирательств, как, например, по «делу Нечаева», открытого для прессы и публики, когда за убийство простого студента аналогичный суд присяжных вынес прямо противоположный вердикт, или связанных между собой процессов по делу Каракозова и «политических фальшивомонетчиков» при закрытых дверях, когда, несмотря на блестящую адвокатскую защиту, был вынесен самый суровый приговор.

В современных СМИ, смело рассуждающих на самые сложные политико-правовые темы, нередко случаются не только откровенные, заказные передергивания, но и явные заблуждения публицистов. Так, в некоторых солидных газетах, как российских, так и казахстанских, адвокатом Веры Засулич выступает не кто иной, как А.Ф.Кони, который был председателем суда; процесс над одиозной фигурой С.Г.Нечаева часто путают с другим процессом по «делу нечаевцев». Но наряду с этим в учебных пособиях и хрестоматиях по адвокатуре и правоохранительным органам не упоминают имен председателей Советов присяжных поверенных или знаменитых дореволюционных адвокатов, не приводят анализа хотя бы самых громких судебных процессов, а если вспоминают Каракозовский процесс, то заявляют об отсутствии на нем адвокатов. Более того, приводя громкую фразу А.Ф.Кони об «отцах и детях судебной реформы», неправильно указывают или путают фамилии руководителей

Судебной реформы 1864 г. Так, начальник II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии граф Д.Н.Блудов стал Н.Д.Будаловым, причем во главе какой-то «Имперской канцелярии» [1; 201]. Когда таким образом путают имена, времена и названия государственных учреждений (не только публицисты, но и авторы учебников), то так и хочется воскликнуть, вспомнив древних римлян, «O tempora, o mores!». В качестве оправдания надо отметить, что подобные ошибки имеются даже в научной литературе, которые потом невольно переходят в учебные пособия. Так, например, в первой в СССР монографии о русской дореволюционной адвокатуре неправильно назван первый председатель первого в России Совета присяжных поверенных (вместо Д.В.Стасова назван К.К.Арсеньев) [2; 115].

На подобные ошибки учёные давно обратили внимание. Ведущим специалистом в истории судебных политических процессов в Российской Империи является Н.А.Троицкий, который в своих научных трудах на протяжении полувека провёл самую подробную характеристику источников и сделал глубокий историографический обзор литературы по изучаемой проблеме [3]. Являясь учеником Троицкого Николая Алексеевича, автор данной статьи сделал попытку подтвердить его основные научные положения, внести свою лепту в изучение судебных политических процессов (включая анализ обнаруженного в архивах неизвестного судебного дела), исследование проблем освободительного движения в Российской Империи. Вместе с тем автором данной статьи впервые вводятся в научный оборот документы, извлеченные из 6 архивных хранилищ (ГАРФ, ИРЛИ РО, РГИА, РНБ РО, РГАЛИ, ГИА СПб): архивные рукописи исследовательского характера известных дореволюционных историков судебной реформы 1864 г., правоведов (А.А.Жижиленко, А.С.Зарудного, А.Ф.Кони, Н.С.Таганцева); переписка создателей судебной реформы (С.И.Зарудного, К.П.Победоносцева, Д.В.Стасова, Н.И.Стояновского), видных деятелей культуры (М.А.Балакирева, Г.Е.Благосветлова, К.Д.Кавелина, С.М.Ляпунова, К.Е.Маковского, В.В.Стасова, М.М.Стасюлевича); воспоминания и дневники юристов, адвокатов (С.А.Андреевского, К.К.Арсеньева, Б.Б.Дорна, А.С.Кузнецова, А.Я.Пассовера), общественных деятелей (В.Д.Комаровой, Д.В.Кузьмина-Караваяева, П.С.Стасовой, Г.Н.Тимофеева); стенографические отчеты, рукописи неопубликованных защитительных речей адвокатов на крупных политических процессах — Д.В.Каракозова, «политических фальшивомонетчиков», «193-х», документы в фондах государственных учреждений (Верховного уголовного суда, Верховной распорядительной комиссии, III отделения, Департамента полиции, Канцелярий петербургского генерал-губернатора и градоначальника, Канцелярии министерства юстиции, Штаба отдельного корпуса жандармов, ОППС, Училища правоведения).

История судебных процессов в пореформенной России, имеющих политический характер и получивших широкий общественный резонанс, всегда вызывала повышенный интерес исследователей. Правда, в истории политических судебных процессов 1860–1880-х гг. в России советские исследователи долгое время стремились выделить только революционный фактор, акцентируя внимание на магических именах Д.Каракозова, Н.Ишутина, В.Засулич, С.Перовской, А.Ульянова. Наряду с этим в советской историографии не только присутствовал идеологический подход, но и не всегда проявлялся критический анализ различных источников или предположений. Здесь необходимо восстановить историческую истину, обратившись к авторитетному мнению ученых, что в горячих судебных баталиях впервые громко заявила о себе присяжная адвокатура «первого призыва» в лице ее корифеев — П.А.Александрова, С.А.Андреевского, К.К.Арсеньева, Н.П.Карабчевского, Ф.Н.Плевако, В.Д. Спасовича, Д.В.Стасова и многих других борцов «за право и правду». Так, один из «отцов Судебной реформы 1864 г. в России» Д.В.Стасов выступал на громких политических процессах, никогда не отказываясь от защиты как опасных государственных преступников, так и рядовых участников революционного движения, в том числе в провинции; решив для себя всегда поступать «по принципу — нельзя и не должно оставлять несчастных политических подсудимых без защитников».

Самые известные политические судебные процессы, как, например, Каракозовский процесс о покушении на особу императора Александра II, получили самое широкое освещение в научной и популярной литературе. Но, вопреки ошибочным представлениям некоторых авторов, что известный судебный процесс проводился «без участия защитника-адвоката» [4; 223], именно по этому делу летом 1866 г. присяжная адвокатура впервые выступила на политическом процессе в пореформенном суде, что, конечно, влияло на его ход. Волею случая адвокатом идеолога и руководителя революционного общества Н.А.Ишутина выступал один из авторов Судебных уставов 1864 г. [5] и первый председатель Петербургского Совета присяжных поверенных Дмитрий Васильевич Стасов [6]. «Каракозовский процесс» получил самое широкое освещение в опубликованных источниках, литературе и воспроизводить его фактическую историю нет необходимости. Вместе с тем некоторые интересные

и немаловажные подробности этого громкого дела с соответствующими выводами раскрываются при отдельно взятом рассмотрении непосредственной защиты Н.А.Ишутина в ходе судебных заседаний [7]. Интересно, что адвокат подсудимого сам был причастен к деятельности революционного подполья как тайный корреспондент «Колокола», участник лондонских переговоров Герцена и Чернышевского летом 1859 г., уже имея определенный опыт политической защиты в деле тверских мировых посредников в дореформенном суде. Правда, это никоим образом не повлияло на проявление каких-либо симпатий адвоката к своему подзащитному по целому ряду причин, хотя в дальнейшем Д.В.Стасов блестяще выступал в защиту революционеров: нечаевцев, народовольцев и даже «политических фальшивомонетчиков».

Знаменательно, что первым же крупным делом в его адвокатской практике стал первый политический процесс по новым судебным уставам. В обществе было опасение, что выстрел Каракозова 4 апреля 1866 г., буквально за две недели до введения новых судебных уставов, «отсрочит на долгое время судебные реформы». По злой иронии судьбы проверить их действенность предстояло в таком первом судебном деле, где главным обвинением было покушение на жизнь императора, что считалось тягчайшим государственным преступлением. Согласно судебным уставам был образован Верховный уголовный суд под председательством князя П.П.Гагарина, где обвинителем выступил сам министр юстиции Д.Н.Замятнин, а защитниками были назначены 11 присяжных поверенных: Д.В.Стасов, В.П.Гаевский, А.Н.Турчанинов, В.С.Самарский-Быховец и другие, многие из которых были членами стасовского юридического кружка. Положение защиты было в высшей степени тяжелое, они сознавали, вспоминал адвокат Б.Б.Дорн, что «в зависимости от того, как они будут защищать, зависит весь следующий ход адвокатуры, по которому должна идти впоследствии». «В ряду политических процессов «Каракозовский», — как оценивал с определенным преувеличением сам Д.В.Стасов, — один из самых замечательных во всех отношениях, как по существу, так и по обстановке». Торопясь осудить Каракозова до приезда невесты цесаревича — датской принцессы Дагмары, как этого требовал царь, следствие начало такую судебную гонку, которая отнюдь не благоприятствовала правильному и всестороннему рассмотрению дела. Несмотря на то, что это было первое гласно разбиравшееся в обновленных судах России политическое дело, заседания проходили при закрытых дверях, все в той же Петропавловской крепости, где судили декабристов, петрашевцев (в их числе привлекались старшие братья Д.В.Стасова), тверских мировых посредников (которых он защищал еще в старом Сенате). В целом этот процесс во многом сочетал в себе дореформенные и пореформенные черты. В его семейной переписке хорошо прослеживается, в каких трудных условиях проходила эта защита. «Мне не придется быть у вас, — пишет Д.В.Стасов 16 августа 1866 г. своей жене, — ни сегодня, да и, вероятно, всю нынешнюю неделю, дело огромное.., мы сидим и читаем с утра до вечера и все-таки не успели всего прочесть». Поэтому П.С.Стасова 31 августа напишет с грустью брату, что с тех пор как ее муж был арестован в 1861 г. за сбор подписей в защиту арестованных студентов, «мы никогда не расставались на такой долгий срок».

Для характеристики господствующих тогда в правительственных сферах взглядов на уместность выступления защитником на такого рода процессах интересно то, что сообщает сам Д.В.Стасов. Когда один из членов Верховного суда принц П.Г.Ольденбургский встретил нескольких присяжных поверенных из числа выпускников училища правоведения, над которыми сам же покровительствовал, то он с нескрываемой досадой обратился к адвокатам: «И охота вам защищать таких негодяев». «Я ему ответил, — вспоминает Д.В.Стасов, — что мы для этого назначены, и дело это защищаем по назначению кн. Гагарина». Тогда принц сказал: «Желаю вам полного неуспеха». В известной дореволюционной «Истории русской адвокатуры» впоследствии будет замечено, что «в словах принца Ольденбургского просто слышался давно знакомый уже отзвук непонимания задач адвокатуры», в оправдание чего приводили европейский опыт, «когда адвокатов отождествляли с защищаемыми ими подсудимыми». Российским присяжным поверенным нужно было выработать на ходу свою линию поведения, формировать адвокатскую этику нового общественного сословия.

Д.В.Стасов вполне справедливо полагал, что на этом процессе «самые трудные защиты были Каракозова и Ишутина». Ему пришлось выступать защитником одного из главных подсудимых — Н.А.Ишутина, причем «защитником по собственному избранию подсудимого», и двух второстепенных — «по избранию самого председателя» — О.В.Малинина и В.А.Федосеева. Как опытный юрист, он прекрасно осознавал, что «задача тяжелая, надо избавить человека от смерти, а шансов мало». Стасов откровенно написал родственникам 31 августа 1866 г.: «Тот, которого я защищать должен, — очень сильно скомпрометирован и замешан». Здесь он имеет в виду, конечно же, Н.А.Ишутина, который, по его мнению, был «главным запевалой во всем том, что делалось и предполагалось». При этом

Стасов не очень лестно отзывался о своем подзащитном, что было для него как адвоката не характерно. По его словам, Ишутин «был большой прожектер, горячий говорун, не прочь и даже весьма — прихвастнуть, что подмечено было многими из его товарищей, показавших об этом на суде и не очень-то ему доверявших». Опираясь на подобные свидетельства, авторитетные историки дали впоследствии идеологу революционного общества еще более неллицеприятную оценку: П.Е.Щеголев считал, что он «сперва малодушно пал, а потом просто-напросто помешался»; Ш.М.Левин отмечает его склонность «прибегать к мистификациям»; а современный исследователь Е.В.Федотова вообще указывает на Ишутина «как человека беспринципного, который ... истерично выдавал своих единомышленников и вымаливал себе всяческие послабления».

Будучи гуманистом и противником любого насилия, Стасов затруднялся находить оправдания в действиях своего подзащитного, обвиненного, в том числе, в «знании о намерении Каракозова совершить цареубийство и ... основании тайного революционного общества «Ад» с исключительной целью цареубийства» или Федосеева, «который намеревался отравить своего отца для того, чтобы воспользоваться в тех же целях его состоянием». «Защита его была одной из самых тяжелых, — отмечали коллеги Д.В.Стасова, — но в результате было то, что осталось впечатление, что все, что только может дать знание, умение, мысль, талант и сердце — все это было дано, все это было». Стенографические отчеты каракозовского процесса запечатлели активные, искусные действия Стасова при допросах свидетелей, которые помогали отвести от его подзащитных, и общества ишутинцев в целом, наиболее тяжкие обвинения. Он делал упор на то, что «Каракозова отговаривали от его намерения покуситься на цареубийство», а обсуждение этого вопроса представлял не окончательным решением, а всего лишь общим сообщением Ишутина о мифическом европейском комитете. При этом защитник настоял на том, чтобы с подсудимых сняли из-за недостатка улики обвинение в материальной поддержке Н.Г.Чернышевского и подготовке его освобождения. Здесь не только князь Гагарин, но даже граф Панин были вынуждены сказать, что его «замечание совершенно справедливо, и оно будет принято во внимание судом при постановлении приговора». Судьи даже не подозревали, что защитник ишутинцев постоянно оказывал материальную поддержку Чернышевскому и до и после этого процесса.

Подводя итог прениям в суде, Д.В.Стасов написал 18 сентября 1866 г. А.С.Кузнецову, «что дело проводится на основании новых уставов». «Председатель князь Гагарин, — выделил он особо в этом письме, — ведет дело превосходно, и мы, адвокаты, да и все, ему многим обязаны за то, как он требует на деле осуществить то, что он проводил при составлении судебных уставов. Этот человек бесспорно умный, держит себя в суде чрезвычайно беспристрастно, одним словом, настоящий судья». Позднее Стасов отдал должное твердой позиции министра юстиции Д.Н.Замятнина, который «на суде в качестве обвинителя держал себя замечательно корректно, не пересаливал в обвинении..., не делал натяжек, не задавал придирчивых вопросов, вообще держал себя очень спокойно». Следствию и вправду не приходилось прибегать к натяжкам, так как веских улик против подсудимых было вполне достаточно ввиду их неосторожности, полного отсутствия какой-либо конспирации и излишней откровенности на суде, а подзащитные особенно грешили раскаянием и оговорами, хотя Ишутин и Малинин действовали по принципу «кто выдает, того выдавать».

Многое зависело от итоговых защитительных речей присяжных поверенных (напомним, что в истории политических процессов это делалось впервые), и здесь Стасов как опытный юрист сделал все возможное, чтобы хоть как-то смягчить участь подсудимых. В своей речи в защиту Ишутина адвокат признавал, что в кружке его подзащитного обсуждалась «мысль о распространении социализма (которого, впрочем, они не могли себе объяснить), произвести революцию и изменить настоящее государственное устройство». Но вместе с тем он считал, что «в обществе не было целей, вредных для спокойствия части или целого государства..., все их проекты были не более как неосуществимые фантазии». Касаясь в своей речи «обвинения в подстрекательстве своих товарищей к учреждению тайных обществ с целью совершения цареубийства», то здесь Стасов заметил, что ему кажется, что «все разговоры были не более, как разговоры».

Защищая О.В.Малинина, кассира общества и одного из его лидеров, адвокат вновь указал, что среди его участников так и не было решено, «в чём заключается цель общества..., что такое социализм» и что вообще «никакой вопрос правильно не обсуждался, никакой вопрос не получал разрешения». Когда в обвинительной речи министра юстиции были перечислены все цели общества, от мирных до насильственных, то там же одновременно отмечалось, что о «политическом устройстве» страны после низвержения правительства у участников кружка были «самые смутные понятия» в силу «низкой степени своего развития». Вместе с тем подсудимые, как тот же Малинин, не отрицали, что

«составлялось общество «Организация» с тайной целью ниспровергнуть правительство, захватить власть в свои руки и устроить государственность на социальных началах». Искренне пытаюсь помочь своим подзащитным, Д.В.Стасов стремился, конечно, преуменьшить результаты деятельности кружка ишутинцев, но его участники не только не противились этому, но и всячески поощряли такую линию защитника показаниями и раскаяниями. Более того, Малинин со своими сторонниками, как отмечал его защитник, стремился «противодействовать обществу организации», в том числе «уничтожить шрифт, потому что он совершенно не сочувствовал идее тайных типографий», и вообще хотел удалиться в Саратов, но вовсе не для того, «чтобы там распространять социалистические идеи».

Как бы там ни было, но после подачи его подзащитными прошения о помиловании (к чему прибегли многие подсудимые), приговор в их отношении был смягчен: Ишутину смертная казнь была заменена пожизненной каторгой, которая, в свою очередь, предназначалась О.В.Малинину и В.А.Федосееву, но была заменена ссылкой в Сибирь. Причём над Ишутиним была совершена «тяжёлая комедия с помилованием», когда он «был привезён на место казни, там ему был прочитан приговор, надет саван и спущен на глаза колпак, и в то время, когда надо было уже вздеть на веревку, явился фельдъегерь, объявивший помилование». «К чему было заставлять человека испытывать весь ужас приближающейся казни, — с возмущением пишет Стасов, — когда уже решено было его помиловать! Этот же самый прием был применен и над петрашевцами, но то было при Николае I». В воспоминаниях адвоката умалчивается об одном интересном факте, о котором с гордостью рассказывает его жена. «Имея в виду казнь Ишутина, — вспоминала П.С.Стасова, — Д.В. предложил мне написать для Ишутина на высочайшее имя просьбу о нелишении его жизни, я написала, Д.В. остался очень доволен, свез ее Ишутину, тот переписал ее». Так что не стоит особо удивляться малодушию революционера, в прошении о помиловании которого историки читают возвышенные слова: «Я осмеливаюсь пасть к стопам вашего Императорского Величества и со слезами умолять вас о помиловании».

У современников осталось впечатление об этом процессе, «что и суд, и прокуратура, и защита одинаково бережно и любовно относились к судебным уставам.., защита в этом деле показала все свое благородное отношение». Конечно, в таком деле, как покушение на царя, да еще в Верховном уголовном суде, адвокатура была вынуждена в первую очередь выказывать «благородное отношение» к особе императора, чтобы в корне не загубить «великую реформу». К тому же сам Д.В.Стасов, оказывая всяческую поддержку революционерам и восхищаясь их героизмом, никогда не мог примириться с мыслью о необходимости царевубийства и с возмущением отзывался о фактах «злодеяния», как в 1866 г., так и 1881 и 1887 гг. Покушение Каракозова осудил в то время А.И.Герцен в «Колоколе», и только такие радикально настроенные деятели, как А.А.Серно-Соловьевич посчитали полезными «такие примеры личной мощи и энергии».

Как бы обобщая последствия деятельности ишутинцев, глава присяжной адвокатуры заметил, что по ходу суда над ними «высказывались разные мысли, предположения, которые иногда приводились в исполнение последующими обществами и бывали предметами обследования и обсуждения в политических процессах последующих годов». Активное обсуждение вопроса «оправдывает ли цель средства?» и подталкивание В.А.Федосеева (одного из подзащитных Д.В.Стасова) к попытке «отравить отца для передачи после наследства тайному обществу» привели, в конце концов, революционеров к «нечаевщине», что, к сожалению, имело глубокие корни в революционном движении. Известному адвокату было суждено выступать в роли защитника народников, когда царизм пытался поставить клеймо «нечаевщины» в целом на освободительное движение в России. Прежде всего, отметим, что, не являясь сторонником модной ныне идеи постановки клейма «нечаевщины» на освободительном движении в России в целом, все-таки приходится констатировать не только факт этого рецидивного «революционного явления народу» (если можно так выразиться), но и его глубокую корневую систему в революционной среде.

В связи с этим довольно странной является потеря интереса историков к «Делу о лицах, принадлежащих к противозаконному сообществу, составляющемуся с целью распространения в России, из политических видов, фальшивых кредитных билетов». Здесь автором статьи впервые были введены в научный оборот материалы по «делу политических фальшивомонетчиков» (так оно значится в семейном архиве адвоката Д.В.Стасова, переданного в 1918 г. в Пушкинский Дом) [8]. Выясняется, что происхождение данного судебного дела непосредственно было связано с покушением Д.Каракозова на царя. По вялотекущему сценарию следствие с декабря 1865 г. продолжалось более пяти лет, до тех пор, пока на группу Польского революционного комитета не поступил еще один донос в Петербурге. «При производстве высочайше учрежденной под моим председательством следственной комиссией дела о событии 4 апреля, — сообщал в III Отделение П.П.Ланской в конце 1868 г., — обнаружено,

что в Петербурге существовало общество злоумышленников..., общество это имело связи и сношения в Москве, Сибири и за границей, откуда по-видимому и доставлялись фальшивые кредитные билеты». В конечном итоге, аресту и суду подверглась только польская группа революционеров из 24 человек, весьма типичная по своему социальному составу для народнических организаций. Так, в списке обвиняемых значились «бывший преподаватель гимназии С.Вешторт, жена губернского секретаря Э.Завадская, бывший студент медико-хирургической Академии М.Киборт, дворянин К.Боровский, провизор Б.Овсянко, коллежский секретарь С.Стецкевич..., мещанин А.Конасевич, губернский секретарь Р.Загорский..., дочь титулярного советника Я.Карпинская, однодворец А.Леонович, дворянка П.Шостак...» Как видим, особо опасных или видных революционеров в этой группе не значилось, каких-либо актов террора, даже в подготовительной стадии, обнаружено не было, тем не менее, решено было процесс проводить «при закрытых дверях, по особому о том распоряжению».

Непосредственное рассмотрение дела проводилось с 12 декабря 1869 г. по 8 января 1870 г. в Петербургской судебной палате «при закрытых дверях». Ход подготовки этого судебного процесса, скандального по своей сути, широко обсуждался в правительственной печати уже с октября 1869 г. «Будет расследоваться дело чрезвычайно важного значения, а именно: о целой ассоциации...», — громогласно заявлялось в «Судебном вестнике» за сутки до начала суда. Примечательно, что еще за два месяца до этого внимание обращалось на тот факт, «что общество распространителей фальшивых кредитных билетов составляло отрасль бывших политических обществ «Молодая Россия», «Земля и Воля» и «Польского центрального комитета». По делу «польского противозаконного общества» весьма трудную защиту взяли на себя корифеи российской адвокатуры «первого призыва»: В.Д.Спасович, Д.В.Стасов, К.К.Арсеньев, В.Н.Герард, А.А.Герке, А.Н.Турчанинов, Н.М.Соколовский, В.И.Танеев, К.Ф.Хартулари, А.И.Языков и другие, всего 15 присяжных поверенных.

Знаменательно, что польских революционеров прокурор обвинял в тяжких государственных преступлениях уголовно-политического характера: «...принадлежности к тайному сообществу, имевшему противозаконную цель — укрывать беглых преступников польского происхождения и др. лиц, подвергающихся преследованию правительства, доставлять им фальшивые паспорта, способствовать к побегу их за границу, и распространять в пределах Российской Империи, для вспомоществования польским эмигрантам и для расстройств государственных финансов поддельные кредитные билеты, доставлявшиеся из-за границы...». Кстати, в предварительных газетных сообщениях также выделялось обвинение революционеров в широком использовании «фальшивых ассигнаций с политической целью». Председатель С.-Петербургского Совета присяжных поверенных Д.В.Стасов защищал одного из главных подсудимых — губернского секретаря Р.Загорского, который, по мнению прокурора, «...выпускал фальшивые кредитные билеты в обращение, укрывал беглого ссыльнокаторжного преступника Вашкевича, и беглого из арестантских рот преступника Поплавского, первого из них снабдил подложным, на чужое имя паспортом и давал пристанище другим политическим преступникам...». В защитительной речи адвокату приходилось под тяжестью улик упорно отводить от подсудимого, которому уже исполнилось 50 лет, наиболее карающие статьи уголовного законодательства.

Несмотря на то, что в этом, по сути дела, политическом процессе наличие состава чисто уголовных преступлений (подделка государственных документов и денежных знаков, укрывательство беглых преступников), караемых законодательством любого государства, могло быть только на руку правительству, оно все-таки не решилось использовать тогда такой удобный повод для разоблачения в глазах российской и европейской общественности революционного движения. Можно не сомневаться в том, что гласное проведение такого скандального дела (его не случайно окрестили «процессом политических фальшивомонетчиков»), могло стать предтечей нашумевшего в России и Европе суда над С.Нечаевым, но так и не стало [9].

Симптоматично, что 8 января 1870 г., именно в день проведения этого закрытого процесса, буквально всю прессу заполнили подробные сообщения о следствии «по убийству студента Иванова Нечаевым». Уж здесь-то правительство решило извлечь серьезные политические дивиденды, пытаясь наклеить ярлык «нечаевщины» на движение народников и одновременно привлечь на свою сторону либеральную общественность. В течение двух лет пресса активно освещала подготовку и проведение (вплоть до стенографической публикации прений сторон) двух известных политических процессов. Вначале «нечаевцев», где, впрочем, обвинение потерпело фиаско (суд присяжных оправдал большинство подсудимых), и самого С.Нечаева, когда полиции и прокуратуре удалось взять реванш. Присяжные осудили подсудимого к 20-ти годам каторжных работ, но царь самолично приказал «навсегда»

водворить того в Петропавловскую крепость, тем самым усилив наказание, назначенное по суду, что нарушало царские же законы. Заметим. В обоих случаях судьбу подсудимых решал суд присяжных.

С введением Судебных уставов 1864 г. в России для проведения суда по политическим делам использовались различные судебные органы — от Верховного уголовного суда (по делу Каракозова) до Особого присутствия Правительствующего Сената (по делу участников «хождения в народ»). Многие из этих процессов проходили при закрытых дверях, причем о некоторых из них стало известно только в наши дни («процесс политических фальшивомонетчиков»), а другие проводились гласно, с участием суда присяжных («процесс нечаевцев» и самого С.Нечаева). Все зависело от того, какие цели преследовало правительство в том или ином случае. В 1870-е гг., с введением гласного суда, в России были проведены судебные политические процессы над революционерами-народниками, получившие мировую известность: «нечаевцев» (1871 г.) и «193-х» (1877–78 гг.), которые проводились, в отличие от предыдущих, с соблюдением всех норм законности, предписанных уставами 1864 г., включая слушание при открытых дверях. При этом процессы «нечаевцев» и «193-х» стали самыми крупными за всю историю суда над революционерами после декабристов и здесь можно провести их сравнительный анализ не в хронологическом порядке, а по основным параметрам судебных разбирательств [10].

Правительство устраивало такие грандиозные судилища с целью раз и навсегда опорочить революционеров, надолго восстановить против них общественность, и даже скомпрометировать международное революционное движение, но их устроители жестоко просчитались. Проходившие в условиях почти не ограниченной гласности процессы вызвали не только волну открытого сочувствия борьбе народников, они показали всему миру, вопреки желанию властей, размах революционного движения, а с другой стороны, выявили очевидные нестыковки в судебной системе пореформенной России и неспособность правоохранительных органов в новых политических условиях совладать с нарастающей угрозой революционного террора. Если в 1871 г. за попытку молодежи задуматься над вопросом о тяжелом положении народа и как-то помочь ему власти привлекли к следствию 152 человека, а на скамье подсудимых оказалось 79, то в 1878 г. за «хождение в народ» были уже арестованы до 1400 его участников, правда, судить осмелились только 193-х.

Современники заметили, что на процессе «нечаевцев» состав защиты был исключительно ярким, когда на суде выступили В.Д.Спасович, Д.В.Стасов, В.И.Танеев, А.И.Урусов, А.М.Унковский, К.К.Арсеньев, Е.И.Утин, В.Н.Герард, К.Ф.Хартулари, А.И.Языков, А.Н.Турчанинов, А.А.Герке, А.А.Ольхин и другие, всего 21 адвокат. На процессе «193-х» вообще «красовался отборный цвет тогдашней русской присяжной адвокатуры», здесь подсудимых защищали: В.Д.Спасович, Д.В.Стасов, П.А.Александров, Е.И.Утин, В.Н.Герард, Г.В.Бардовский, П.А.Потехин, Н.П.Карабчевский, А.Я.Пассовер, В.О.Люстиг, В.В.Самарский-Быховец и другие, всего 35 адвокатов. Криминалист с мировым именем, профессор уголовного права Н.С.Таганцев, выступивший одним из защитников на процессе «193-х», отметил, что там были «не только представители ума и сердца адвокатуры», кроме того, «представителем адвокатской совести был Дмитрий Васильевич Стасов».

В 1871 г. он вел защиту участников нечаевской организации «Народная расправа»: студентов петербургских высших учебных заведений Н.С.Долгова, Н.Н.Римского-Корсакова, П.А.Топоркова и бывшей помещицы В.В.Александровской. В 1878 г. именитый адвокат защищал участников «хождения в народ» из Большого общества пропаганды, Самарского и Пензенского кружков: Ф.Н.Лермонтова, А.А.Александровского, И.И.Ареопагитского, А.А.Пономарева, И.И.Доброва, В.И.Сабелькина, М.Н.Милоголовкина, А.А.Пыпина, П.В.Курдюмова, А.Я.Сидорацкой, М.В.Эдельштейна, П.В.Кротонова, также в основном учащейся молодежи. Кроме того, еще девять подсудимых, «взятых под поручительство» Д.В.Стасова (залог доходил до 10 тыс. рублей), были освобождены из-под стражи на время суда: С.В.Мокиевский-Зубок, Л.А.Дическуло, И.И.Добровольский и другие. «Ввиду побега осужденного приговором ... врача Ивана Добровольского», как говорится в определении ОППС от 2 июня 1878 г., залог, представленный присяжным поверенным Стасовым, обратили в «капитал на устройство мест заключения». Во многих случаях он выступал защитником «по избранию» самих подсудимых, кроме того, в ходе того и другого процесса ему были «переданы от других адвокатов» подсудимые с наиболее тяжкими обвинениями, опять же по их собственной просьбе. Так, Ф.Н.Лермонтов указывал в своем заявлении: «Прис. пов. Герард не смог заняться изучением моего дела, хотя он и согласился быть моим защитником. Вследствие чего я и вынужден был доверить ведение защиты по моему делу другому прис. пов. госп. Дмитрию Васильевичу Стасову». В таких случаях адвокат никогда не отказывался, хотя и прекрасно понимал, на что идет.

На процессе «нечаевцев» Стасов особенно был «в затруднении относительно защиты госпожи Александровской», переданной ему П.А.Потехиным. Дело было не только в серьезных обвинениях, поскольку она, по словам министра юстиции, «согласилась содействовать членам заговора, и затем, условившись с Нечаевым ехать за границу, возвратилась в Россию с огромным количеством печатных воззваний самого преступного свойства». Исследователи характеризуют В.В.Александровскую как «человека до известной степени загадочного: дважды появившегося на исторической сцене (в 1862 и в 1869 гг.) и оба раза окончившего предательством», а в деле нечаевцев сыгравшую «какую-то совершенно особую, до конца не ясную, но, вероятно, провокационную роль». Объяснение такому поведению можно найти в письмах В.В.Александровской к Д.В.Стасову с настойчивыми просьбами стать ее защитником. «Истерическое состояние не оставляет меня, — пишет она 5 июля 1871 г., — Христа ради! Не оставьте — я в необразимо ужасном положении... Мучительная неизвестность готова перейти в томительную нравственную лихорадку». Вследствие такого неуравновешенного характера полиция предпочла отказаться от предлагаемого Александровской плана выманить Нечаева из-за границы. Поэтому и отношение Стасова к ней было соответствующим, не случайно 28 августа Александровская обращалась к нему: «Я теряюсь в предположениях насчет вашего настоящего ко мне отношения!». Хотя, конечно, со своей стороны, адвокат сделал все возможное для смягчения ее участи. По свидетельству Александровской, он составил за неё «прошение на имя государя», и кроме того, по словам П.С.Стасовой, «Д.В. написал и подал кассационную жалобу, результатом которой было избавление Александровской от каторги». В конечном итоге, судебная палата приговорила Александровскую к ссылке в Сибирь на поселение, т.е. навсегда «в места не столь отдаленные». Доказывая в своей речи, что «Александровская действовала под влиянием страха» (а угрозы Нечаева были не беспочвенны), Стасов с большой долей сарказма привел пример панического ужаса даже государственных чиновников от нелепой угрозы. Так, по его словам, «в Мариупольском магистрате, куда явился один господин и сказал, что одному из членов магистрата приказано обрить голову и сослать в Сибирь: весь магистрат до того был этим перепуган, что не посмел ослушаться, и несчастному действительно обрили голову и чуть не сослали в Сибирь, только телеграмма губернатора спасла его от ссылки».

На процессе «193-х» Стасову также пришлось взять на себя защиту одного из главных подсудимых — сельского учителя Ф.Н.Лермонтова, деятельного члена «Большого общества пропаганды». По мнению же обвинения «кружок чайковцев есть та зараза, от которой пошли все кружки». Лермонтов создал свой кружок, деятельность которого адвокат подробно рассматривает в своей речи, делая упор на гуманные цели участников «хождения в народ». Но здесь адвокат вынужден был признать вину своего подзащитного (хотя и с оговорками), когда тот убеждал своих товарищей, «что из существующего положения нельзя выйти иначе, как путем революции». Защищая народников, преданных суду, Стасов, неизменно, воссоздавал их яркие психологические портреты, как, например, в «речи за студента Н.С.Долгова» на процессе «нечаевцев», что особо было выделено в «Правительственном вестнике», где речь адвоката, в отличие от других, была полностью опубликована. Сохранилась также краткая скромная запись с характеристикой его выступления на этом процессе. «На суде 1871 г. в августе, — вспоминает П.С.Стасова, — я тихонько от Д.В. присутствовала при его защите и должна сказать, что речь его простая, безыскусная, искренняя, произвела очень хорошее впечатление и значительно смягчила участь подсудимых». Так, подсудимые Н.Н.Римский-Корсаков, П.А.Топорков были оправданы за недоказанность обвинения, Н.С.Долгов приговорен к одному году тюрьмы. В судебных прениях защитник смело отвергал подтасованные или не отвечающие требованиям судебных уставов представленные показания. Так, в деле нечаевцев после его настойчивого требования «палата удалась на совещание ... и постановила рапорт полковника Бириня ... не читать», а в перекрестном допросе свидетелей со стороны обвинения он искусно добивался таких ответов, что становилась ясной вся абсурдность обвинений против его подзащитных. «На вопрос прис. пов. Стасова, — констатировалось в судебном отчете, — свидетель объяснил, что подсудимый Долгов был весьма мягкого, уступчивого характера, что он чрезвычайно любил учить..., страстно занимался обучением мужчин и женщин. Эта любовь к учительству была в нем настолько велика, что он увлекал на этот путь и всех других».

На процессе «193-х» Д.В.Стасов категорически выступал против неправильной формы допроса, когда судьи буквально выбивали из безграмотных свидетелей-крестьян сведения по поводу «разговоров» с ними народников «о международном обществе рабочих...», «насчет Лассаля и Маркса...», «Бакунина», «Что делать?» и «Гражданской войны во Франции». Характерно, что царский суд, как на процессе 1871, так и 1878 гг., пытался искать корни тлетворного влияния на российских подданных где

удовно, но только не в своей стране. На политических процессах главными обвинениями, как правило, были принадлежность к тайной организации и чтение нелегальной литературы. Опытный адвокат, защищая народников, не стал замыкаться на разоблачении отдельных неувязок и натяжек в судебном следствии, а старался смотреть намного глубже, высказывая нередко довольно рискованные, по меркам царского суда, крамольные доводы в защиту действия своих подсудимых, фактически солидаризируясь с ними. «Каждый из нас читает различные книги, — размышлял он в своей пространной речи на процессе «нечаевцев», — неужели же мы разделяем и обязаны разделять мысли каждой прочитанной книги? ... Из того, что человек прочитав прокламацию, передал ее другому, нельзя заключить, чтобы он распространял прокламацию и сочувствовал тому, что в ней написано; точно так же, если я получил прокламацию, из этого также не следует, что я ей сочувствовал».

На процессе «193-х» Стасов, возражая прокурору, продолжал настаивать, «что передача книг для прочтения товарищам не может считаться распространением злоумышленным». Признавая, «что в кружке Пензенском читались сочинения Чернышевского и Бакунина., «Стеньки Разина» и журнала «Вперед», и все это конспектировалось», он обращался к суду: «Допустим, что читали не только Чернышевского, но и «Вперед», что же из этого вышло?». А далее, объясняя причины такого увлечения, он отстаивает право учащейся молодежи самим постигать правильность того или иного учения. «Вся молодежь набрасывается на эти сочинения, всем хочется знать, что тут написано, что пишут русские, живущие за границей. Сочинения эти читает не одна молодежь, читают все вообще, по поводу их происходят споры: одни соглашаются с прочитанным, другие не соглашаются, ничего не решают. Так происходило дело во всех кружках, так было и здесь». Когда обвинитель в очередной раз в общей форме обвинил революционеров, «что они следуют системе Бакунина, нашедшей себе представителей в князе Кропоткине и Ткачеве», Стасов потребовал конкретных доказательств, чего у следствия не было. «Если мы знаем, — обращался он к судьям, — что Кропоткин написал такое сочинение, то где доказательства того, что этой системы придерживались все подсудимые, или где доказательства того, что подсудимые поддерживались системы Ткачева..., что сочинение Кропоткина было даже известно кому-нибудь из всей массы подсудимых, или чтобы все они разделяли его мнение».

Такие вопросы защитника ставили судей в тупик, так как они сами особо-то не разбирались в разных течениях народничества. «Обвинительная власть ничего не доказав, — с сарказмом замечает Стасов, — утверждает между тем, что в кружке преобладала теория Бакунина, между тем она ничем не доказала, чтобы члены этого кружка пристали к этому учению, подчинились бы ему, ничего б другого не знали, ни о чем не толковали». По мнению Стасова, политика запрета дает как раз обратный результат: «каждый хочет и узнать и почитать того, чего ему не дают». «Мне не дают историю, я буду читать ее, мне запрещают политическую экономию, ею-то именно я и буду заниматься, — опять с иронией отмечает он. — Это так естественно, что и говорить не стоит. Все то, что занимает общество и будет занимать его, будет всегда интересоваться и молодежь». «Когда касаешься таких серьезных вещей, как вопрос об общинном владении, самоуправлении, — продолжал защитник, — то является масса мыслей, соображений, которые так тесно между собою связаны, что обойти их невозможно. По мнению г.г. прокуроров эти мысли преступны, их нельзя касаться, но как сделать, чтоб не касаться извечных вопросов ...?».

Приходится только удивляться смелости русской адвокатуры, которая не видела ничего преступного и противопоказанного в чтении нелегальной литературы и прокламаций, отстаивая в условиях самодержавия демократические права на свободу слова, печати. Но Стасов пошел еще дальше, шокируя суд своими рассуждениями. «Дело не в том, что тайное общество было, что в это тайное общество вступали лица с соблюдением известных формальностей, что оно окружено было некоторою таинственностью, что оно было разделено на кружки, что члены его значились под известными цифрами и изменили свои фамилии; дело в том, какая была цель этого общества», — находим мы его слова в официально опубликованном отчете суда над участниками Нечаевской организации. Опасаясь такой безграничной гласности, правительство после этого процесса запретило подобные публикации.

Несмотря на гнев официальных кругов и нападки реакционной прессы, Стасов и в 1878 г., выступая «по делу о преступной пропаганде в Империи», подробно изложил идеи народников и подержал рассуждения Д.М.Рогачева в том, «что положение крестьян дурно., очень тяжелое, что нужно помочь им выйти из этого положения». «Если он говорил, что желательно, чтобы не было разницы между образованным классом и народом, чтобы разница эта сгладилась, — подводил итог такой «пропаганде» адвокат, — то ведь то же самое утверждает целая школа, целая партия, которая ни в каком случае не может считаться революционной». Он даже предложил «членам Особого Присутст-

вия» согласиться с его мнением, что, конечно, не могло найти у них благожелательного отклика. «В самом деле, какое это ужасное преступление. — С иронией замечал адвокат по поводу обвинений в адрес своего подзащитного, принявшего участие в «хождении в народ». — В 73 году стали говорить, что принадлежность народной партии заключается в том, что идут в народ, начинают заниматься каким-нибудь ремеслом, а Лермонтов уже в 1871 г. говорил, что хорошо сделаться кузнецом или бочаром. Можно спросить: да чего же ему не быть кузнецом или бочаром?». В черновиках своей речи, сохранившейся в семейном архиве, Стасов доказывал, что такое благородное стремление молодежи было результатом «естественного ее побуждения сблизиться с народом», и дальше смело провозглашал: «Никакие политические процессы, никакие заключения не остановят того хода мысли, который есть неотъемлемое достояние жизни общества в данный момент его исторического развития». Впрочем, такие смелые откровения адвоката не нашли отражения в официальном протоколе суда.

Известный дореволюционный историк судебной реформы профессор А.А.Жижиленко, изучив в 1918 г. «черновики» речей Д.В.Стасова, так определял характер его выступлений по политическим процессам: «Строго деловой тон речи без всякого пафоса, меткий догматический анализ статей уложения о наказаниях, по которым обвинялись его подзащитные, и всесторонняя оценка представленного доказательственного материала с точки зрения его неубедительности для вынесения обвинительного приговора». Здесь уместно процитировать довольно интересные замечания, которые сделал таинственный официальный наблюдатель в «Записках о заседании ОППС на процессе «193-х», анализируя речи Д.В.Стасова и его товарищей. 2 января 1878 г. он по обыкновению записывает, что «речи их имели такой же резкий характер, как и прежние». Через неделю, 9 января, после произнесения защитительных речей «присяжных поверенных Соколовского, Стасова, Потехина, Самарского, Александрова» и других, он буквально выносит им самим судебный приговор: «Все они страшным образом обрушились всей массой своей на обвинительную власть. Некоторые с такой запальчивостью защищали свои права, что получили замечание первоприсутствующего, почти все защитники касались также вопросов, которые не могли быть разбираемы гласно. Вообще требования защиты превзошли все ожидания. Товарища Обер-прокурора сочли окончательно разбитым и уничтоженным, благодаря его собственной неосмотрительной слабости. Публики было очень много».

В другой подобной агентурной сводке с пометой «Д.Е.В.» (т.е. «доложено Его Величеству») также описывается отношение адвокатов к подсудимым в ходе инцидента в зале суда после страстной революционной речи И.Н.Мышкина. Когда жандармы схватили оратора, пытаясь зажать ему рот, то защитники Бардовский, Стасов, Утин обступили первоприсутствующего и потребовали записать в протокол, что «жандармы позволяют себе бить подсудимых». Прокурор также с возмущением говорил, что защита «в своих речах обвиняет не только что должна.., но и само правительство». В ответ на это Д.В.Стасов от имени всех своих коллег обвинил прокурора В.А.Желеховского в постоянном стремлении придерживаться «собственно огульного обвинения, не считая нужным употреблять другие примеры», а приведенные обвинением «верные показания» посчитал вообще не заслуживающими доверия «уже потому, что противоречат, как одно другому, так и фактам, изложенным в деле».

Известный революционер-публицист С.М.Степняк-Кравчинский в своей нашумевшей книге, опубликованной за границей, привел один такой яркий пример из судебной практики «известного петербургского адвоката Стасова». Когда тот на процессе «193-х», «прежде всего, попросил показать ему «вещественные доказательства», т.е. записку, в которой будто бы была написана фамилия его клиента», то оказалось, что «вследствие некоторого сходства в написании студента приняли за кого-то другого и арестовали не того, кого искали...» А в результате такого циничного и нерадивого отношения царской юстиции к правам подданных, вовсе безвинный «студент саратовской семинарии Пономарев... размышлял целых три года» за решеткой, хотя подобная ошибка «в любой стране была бы исправлена через двадцать четыре часа». В начале процесса «193-х» Стасов в резком тоне указывал судьям на тот факт, «что человек, который просидел четыре года в тюрьме в одиночном заключении, не может быть в нормальном положении», а заключительное слово говорил уже «под впечатлением тяжелого чувства», когда ему в ходе процесса довелось стать «свидетелем последних минут ... подсудимого Сабелькина и Кротонова» (в том же году в тюрьме умер еще один его подзащитный — Ф.Н.Лермонтов). В конечном итоге, только к началу процесса власти насчитали среди узников 93 случая самоубийств, умопомешательства и смерти. «Я не хочу сомневаться в том, что вы произнесете справедливый приговор, — обратился к судьям в заключительной части своей речи Стасов, — но чем вы вознаградите тех лиц, которые потеряли жизнь, которые потеряли здоровье?... Какой бы приговор не постановили, вы не возвратите здоровье и молодость, разбитых силою; это такие вещи, которые будут всегда лежать укором на лицах виновных в этой утрате и никогда не найдут оправдания».

Результаты организованных правительством судебных политических процессов 1870-х гг. оказались неожиданными, как для революционеров-народников, так и преследующих их царских властей. На процессе «нечаевцев», по справедливому мнению современных ученых, «демократическая настроенная защита подсудимых» не только сумела «отделить революционную правду от нечаевской лжи» (чего не смогли сделать сами члены организации), но и доказала «именно благородные черты членов организации: их честность, бескорыстие, готовность служить народу». Действительно, после нашумевших политических процессов «193-х», «50-ти» преследования народников нанесли сильнейший удар престижу власти. Причем в первых рядах защитников участников «хождения в народ» (обернувшееся для них «хождением по тюрьмам»), как на суде, так и в общественной жизни, оказалась российская присяжная адвокатура. Здесь, видимо, необходимо напомнить, что еще в начале «эпохи великих реформ» в оппозиции к самодержавию окажется подавляющее большинство присяжной адвокатуры, взгляды которой сформировались в отрицании средневековых постулатов старого дореформенного суда в России. Знаменательно, что в оппозиции к царскому режиму оказались практически все корифеи как «старой», так и «молодой» адвокатуры — К.К.Арсеньев, И.В.Гессен, А.С.Зарудный, В.А.Маклаков, П.Н.Маянгович, Н.К.Муравьев, С.А.Муромцев, В.Д.Спасович, Д.В.Стасов, А.И.Урусов и многие другие. Знаменитый адвокат Н.П.Карабчевский, бравировавший своим аполитизмом в годы революции 1905–1907 гг. в России, оказавшись в эмиграции, был вынужден признать, что «при самодержавно-бюрократическом строе... вся публичная деятельность лучших адвокатских сил была у нас всегда деятельностью оппозиционной» [11; 15–16].

В настоящее время существенно (как по объективным, так и чисто субъективным причинам) сместился акцент внимания ряда историков, а большинство читателей привлекают «Рассказы о самых громких уголовных процессах России» [12], ряд книг об «известных уголовных процессах XIX века», включающих «судебные речи известных русских юристов», представленных ранее в дореволюционных изданиях [13]. Некоторые молодые правоведы, видимо, в соответствии с новыми политическими веяниями, выдвигают «тезис о террористической сущности... революционного (освободительного) движения в России», попутно определяя его «с точки зрения права... как этапы развития политической преступности» [14; 4]. В соответствии с этой «жандармской логикой» некоторые бойкие публицисты пытаются оправдать и даже обосновать репрессивные меры царских карательных органов, хотя представители современной академической науки справедливо предупреждают, «что подход к объяснению исторических явлений с позиций уголовного кодекса вряд ли поможет что-либо в них понять» [15; 17]. На этом фоне представляется, однако, что материалы как широко известных, так и малоизученных политических судебных процессов, скрытых от общественности в своё время (история многих таких своеобразных уголовно-политических дел весьма поучительна), все же остаются по-прежнему актуальными и требующими серьезного анализа. По справедливому мнению современных ученых, феномен присяжной адвокатуры и суда присяжных, история политических судебных процессов, в том числе над участниками революционного, национально-освободительного движения в Российской Империи, требует и заслуживает глубокого научного изучения в странах СНГ [3; 9]. Действительно, необходимо вернуться к объективному анализу изучаемых проблем как истории революционного террора (в ходе судебных политических процессов), так и эволюции судебной системы стран СНГ, включая их общее историческое прошлое.

Список литературы

1. Лубишев Ю.Ф. Адвокатура в России. Учебник. — М.: Профобразование. 2000. — 830 с.
2. Черкасова Н.В. Формирование и развитие адвокатуры в России. 60–80-е годы XIX в. — М.: Юрид. лит-ра, 1987. — 268 с.
3. Троицкий Н.А. Адвокатура в России и политические процессы 1866–1904 гг. — Тула: Автограф, 2000. — 456 с.
4. Ларин А.М. Государственные преступления. Россия. Деятельный век. — Тула: Автограф, 2003. — 608 с.
5. Легкий Д.М. Судопроизводство накануне Судебной реформы 1864 г. в России // Право и политика. Междунар. науч. журнал. — 2002. — № 2. — С. 103–111.
6. Легкий Д.М. Первый председатель С.-Петербургского Совета присяжных поверенных // Правоведение. Известия вузов. — 2003. — № 1. — С. 5–19.
7. Легкий Д.М. Н.А.Ишутин и его адвокат на Каракозовском процессе // Основы государства и права. — 2001. — № 4. — С. 88–92.
8. Легкий Д.М. Процесс политических фальшивомонетчиков // Право и политика. Междунар. науч. журнал. — 2001. — № 5. — С. 98–102.
9. Легкий Д.М. Д.В.Стасов — политический защитник // Государство и право. — 2001. — № 10. — С. 98–106.

10. Легкий Д.М. Адвокат на судебных политических процессах в Российской Империи: от суда присяжных (процесс «нечаевцев») до суда ОППС (процесс «193-х») // Проблемы права. — 2007. — № 1. — С. 160–167.
11. Карабчевский Н.П. Что глаза мои видели: В 2 т. Т. 2. — Берлин, 1921. — 248 с.
12. Никитин Н.В. Преступный мир и его защитники. Рассказы о самых громких уголовных процессах. — М., 1996. — 384 с.
13. Русские судебные ораторы в известных уголовных процессах XIX века / Сост. И.В.Потапчук. — Тула, 1997. — 815 с.
14. Панова Н.Ю. Терроризм и террор в России XIX – начала XX века: понятие и сущность // История государства и права. — 2001. — № 1. — С. 4–8.
15. Будницкий О.В. Терроризм в российском освободительном движении. — М., 2000. — 326 с.

УДК 323 (075.8)

Т.М.Мухамадеев

Кокшетауский университет им. А.Мырзахметова

ВОЕННАЯ СТРАТЕГИЯ РОССИИ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ В XVI–XIX ВЕКАХ

Ресейдің нақты аумақтарды белсенді түрде игерудің себептерінің бірі экономикалық қызығушылықтар ғана емес, сонымен қатар уақыт талабына сай геосаяси және әскери стратегиялық міндеттер болып табылады. Қазақстан аумағын пайдалану мақсаты — Ресейдің басқа мемлекеттермен қарама-қайшылығын қарастыру.

One of the reasons of Russian active adoption of bordering territories is that of the present geopolitical, military and strategic tasks of the prior significance but not the economic interest. Kazakhstan fulfilled the task of the buffer in the resistance of the Russia with other states.

«Начало завоевания русскими северной Азии относится к XVI столетию» [1; 23], так как по мере централизации и усиления государственной власти в России значительно возросли возможности территориальной экспансии, развития торгового обмена и других форм взаимоотношений.

В XVI в., с окончанием процесса собирания Русских земель, начинается новая эпоха государственного строительства России. Укрепив свое международное положение, исходя из геополитических и экономических соображений, Россия переходит к решительным, большей частью военным действиям по присоединению обширных и стратегически важных для страны территорий. Активные действия царских властей по расширению границ государства потребовали разработки продуманной военной стратегии по освоению и удержанию вновь приобретенных земель, и среди причин российского активного освоения сопредельных территорий приоритетное место занимали не столько экономические интересы, сколько геополитические и военно-стратегические задачи, выдвигаемые временем.

В первой половине XVI в. Московское государство не имело общей границы с Казахским ханством, а было отделено от него Ногайской ордой, а также Казанским и Астраханским ханствами. Но уже в период правления Касым-хана (1511–1521) были установлены дипломатические отношения Казахского ханства с Московским государством, при правлении Великого князя Василия III (1505–1533). На это определенно указывает опись царского архива: «Ящик 38. А в нем книги и списки Казатцкие при Касыме царе, и Тюменские при Иване царе» [2; 335]. Москва проявляла живой интерес к событиям в Казахском ханстве и после Касыма, что объясняется возможностью казахов влиять на положение дел в Ногайской орде, а также Казанском и Астраханском ханствах, о чем свидетельствует наказ Посольского приказа русскому посланнику в Турции Василию Михайловичу Третьяку-Губину в 1521 г. Там прямо предписывалось, наряду с прочими заданиями: «Да Казатцкую Орду ему пытати, кто ныне в казакех государь, и где кочует... И о всех ему, о тамошних делех пытати и отписати к великому князю подлинно» [3; 63].

Однако в 1552 г. под напором русских пало Казанское ханство, а в 1556 г. — Астраханское, во второй половине XVI – начале XVII в. к России были присоединены башкиры, Ногайская орда распалась и ближайшим соседом России на юго-востоке стало Казахское ханство. «Уже в конце XVI столетия киргизы оказались в непосредственном соседстве с русскими и в то же время окруженными кольцом враждебных им кочевых народов: с запада и северо-запада — башкирами, калмыками и ногайцами, с востока — джунгарами, с юга — тюркскими народами Хивы, Бухары, Коканда и др.» [4; 13].